Стилем должно дышать все – и каждый шаг, и каждый взгляд

Завершились выступления балета Большого в Вашингтоне

Последние большие выступления балета Большого театра в Америке (в Нью-Йоркском Линкольн-центре) состоялись еще во время директорства Владимира Васильева. Тогда, в частности, показывали васильевскую редакцию "Жизели". Сейчас в вашингтонский Кеннеди-центр театр привез два спектакля в редакции Юрия Григоровича, который – не физически, но своими прежними работами – снова доминирует в Большом. А руководителем балетной труппы является, как известно, Борис Акимов – один из лучших "григоровических" танцовщиков, человек серьезный, спокойный, в высшей степени профессиональный.

Гастроли начались с неприятности: в последнюю минуту оказалось, что в них не сможет участвовать ведущая солистка – Надежда Гречева. Пришлось срочно "перетасовывать" составы (кстати, почти аналогичная история – с приближающимися спектаклями Мариинского в Нью-Йорке: Игорь Зеленский, ведущий танцовщик, из-за травмы танцевать не может, не приедут еще два солиста, так что за три недели до начала выступлений пришлось почти полностью поменять составы солистов).

Официальное открытие выступлений балета Большого театра в Кеннеди-центре я не видела – это был смешанный оперно-балетный гала-концерт, для которого из Москвы специально привезли хор Большого театра. А в первом спектакле гастролей, "Лебедином озере", вместо Гречевой Одетту-Одилию танцевала молодая Анна Антоничева. Она же выступала и в том "Лебедином", что пришлось увидеть мне: через два дня и с другим партнером – Николаем Цискаридзе. Антоничева танцевала точно, аккуратно, но в ней пока не чувствуешь индивидуальности, чего не скажешь о Цискаридзе – настоящем романтическом Принце, каждый жест в пантомиме и каждая вариация которого "работают" на образ одинокого рефлексирующего героя, ищущего идеальной любви. К тому же технических проблем партии для него, кажется, не существует – настолько свободен он во всех ее виртуозных деталях. Одно жаль – намного меньшая, чем в Большом, сцена не дает ему (как и Е.Иванченко – Солору в "Баядерке") проявить себя во всем блеске.

Н.Цискаридзе – Зигфрид, А.Антоничева – Одетта в сцене из спектакля

Данная версия "Лебединого" с декорациями Симона Вирсаладзе шла в Большом с 1969 года. При недавнем возрождении спектакля Григорович только изменил ее концовку. Ох эта злополучная концовка – как только ее не кроили, не желая печалить публику задуманной в оригинале гибелью Одетты и Принца! Теперь Григорович предлагает супертрагический финал, не давая возлюбленным соединиться даже в смерти: Одетта гибнет, а Принц остается жив – тосковать в одиночестве и мучиться своим предательством. В остальном, напомню, Григорович в своей редакции почти полностью снимает пантомиму, превращая в классический танец все что можно (даже танцы невест, которые раньше были характерными), увеличивая хореографическую сложность и насыщенность мужских сольных партий и стараясь придать целому больше цельности и драматической естественности. Злой Гений становится почти двойником Зигфрида – его черной тенью, и исполнитель этой роли обретает значительно больше возможностей демонстрировать свою виртуозность и актерские качества (что очень толково сделал Д.Белоголовцев). При этом утеряно многое из созданного Петипа (увы), "перелопачена" партитура Чайковского, но сохранены, к счастью, "белые сцены" Льва Иванова.

Не собираюсь задним числом ругать или хвалить эту версию – в ней есть своя логика, и она имеет право на существование, а к тому же дает возможность когда-нибудь вернуться к одной из дореволюционных версий, как это теперь делает Мариинский с "Баядеркой" и со "Спящей красавицей".

"Баядерку" Большой тоже показывает в версии Григоровича, куда менее удачной, хотя мне трудно представить, что эту декоративно-условную дань модной придворной ориентальности что-то может улучшить или усовершенствовать. Уж так сложилось: ради изумительных "Теней" (третий акт) надо вытерпеть бесконечные танцы и "проходы" слуг, служанок, дервишей, танцовщиц с опахалами, с кувшином и без предметов и прочих персонажей, не имеющих прямого отношения к интриге. Ничего не поделаешь: Петипа создавал прежде всего развлекательное зрелище, раскручивающееся вокруг мелодраматического сюжета, в котором чего только нет: любовь разделенная (баядерка Никия и воин Солор), любовь безответная (Великого брамина к Никии), предательство (Солор женится на дочери раджи Гамзатти), ревность, угрозы, злодейское убийство, угрызения совести, курение опиума и вызываемые им видения потустороннего мира... Есть еще гнев богов, разрушающих стены храма и погребающих под ними участников драмы, но это в четвертом акте, который обычно опускают. А вот тот же Мариинский, как впрочем, и некоторые другие труппы, осмелился сейчас возродить в последней реконструкции, с которой мы скоро познакомимся в Нью-Йорке.

Увиденный мною состав солистов был, наверное, лучшим на этих гастролях: Анастасия Волочкова – Никия, Мария Александрова – Гамзатти, Евгений Иванченко – Солор. Практически безупречно танцевала Александрова – уверенно, легко, поражая великолепными вращениями, высоким прыжком и огромным "шагом". Волочкова – блудная дочь Мариинского театра, приглашенная еще Васильевым в Большой, потом его и покинувшая (не давали танцевать столько и то, что хотела?), но сейчас снова вернувшаяся (надолго ли?), – была хороша в танце со змеей и сцене теней, хотя провела партию не без помарок.

Но вот чего Волочковой не занимать, так это артистической индивидуальности. Она притягивает к себе взгляд каждым жестом, поворотом головы, она владеет ролью и... зрителем, излучая такой эмоциональный заряд, что не поддаться ее воздействию невозможно. Одно только меня смутило: в рисунок роли вдруг вкрадываются совсем маленькие, но режущие глаз движения, не имеющие никакого отношения к высокой условности классического балета, а пришедшие из сегодняшней бытовой и, прямо скажем, не лишенной вульгарности жестикуляции. Когда Никия – Волочкова поднимается по ступенькам храма, усиленно виляя бедрами, то это уже не классический балет, а московский ночной клуб. Справедливости ради скажу, что и у Александровой – Гамзатти в пантомиме-диалоге с Никией (второй действие) промелькнуло, сразу нарушив стилистическую цельность, нечто очень уж сегодняшнее. И это не слишешь на желание вдохнуть в характер новую жизнь. Вот если бы на сцене была по-настоящему современная, в наши дни перенесенная версия (вроде той, что сделали Маги Марин с "Коппелией" и Мэттью Берн с "Лебединым озером"), – тогда пожалуйста. Но в классических костюмах, на старый сюжет и с классическим танцем каждый шаг, наклон, да что там – пальчик, взгляд, – все должно дышать стилем, в котором балет рождался. В рамках этой стилистики и изволите искать краски и эмоции.

Я не помню аналогичных случаев в прошлых спектаклях ни Большого, ни Мариинского. И если они не видны репетиторам спектакля, тем печальнее.

А вот кордебалет, корифеи, исполнители ролей второго плана в обоих спектаклях были великолепны (Денис Медведев в роли Шута и Мария Аллаш – Венгерская невеста и одна из подруг Принца в "Лебедином", Морихиро Ивата – Золотой Идол и Ольга Журба – танец с кувшином в "Баядерке"... не называю всех просто по недостатку места). Это особенно бросается в глаза после более чем скромного уровня американских групп, у которых, повидимому, ни денег, ни критериев, ни требовательности не хватает на воспитание как минимум солидного мастерства (вот почему классику в их интерпретации смотреть бывает тяжко). Пожалуй, такого превосходного "фона" в выступлениях балета Большого театра давно не было: виртуозность, слаженность, отточенность во всем; когда нужно – настоящее "брио" и блеск, когда нужно – сама поэзия и сосредоточенность. И в этом – самое обнадеживающее обещание театра.

Напоследок – похвала оркестру. Оркестру местному – Вашингтонской оперы, который под управлением дирижера Большого театра Павла Сорокина звучал весьма достойно, "в образе", с большой амплитудой оттенков и при этом с истинно балетной четкостью.

Осенью и зимой (с 26 октября по 15 декабря) Большой театр с этими же двумя спектаклями (и добавляемым в декабре "Щелкунчиком") проедет с большим турне по девяти городам США: Темпе (Аризона), Сиэттл, Беркли (Калифорния), Чикаго, Детройт, Коста Меза (Калифорния), Миннеаполис и снова вашингтонский Кеннеди-центр. В каждом из городов будет дано несколько спектаклей.

Нынешние, между прочим, были полностью и заранее "sold out", и зрители принимали их с энтузиазмом. Рецензии появились только в "Вашингтон пост" – сначала прохладные, к концу гастролей – восторженные: освоившись на новой сцене, труппа явно "растанцевалась".

Майя ПРИЦКЕР
Вашингтон – Нью-Йорк
Фото Игоря ЗАХАРКИНА ("Газета")

По сообщениям корреспондентов "Культуры" и ИТАР-ТАСС

Культура – 1991 – 44 июня – 3 июля – с. 11